

УДК 81'42; 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/17

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ*

И.В. Тубалова¹, Х. Ван²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: tina09@inbox.ru

² E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

Авторское резюме

Данное исследование продолжает сравнительный анализ кодовых функций соматизмов в русском, украинском и белорусском фольклоре. В работе в сопоставительном аспекте проанализированы содержание и принципы организации соматического кода разных восточнославянских культур, реализованного в русской, украинской, белорусской и русинской лирической песне. Выявлено, что частотность реализации исследуемых единиц в лирических песнях рассматриваемых культур близка, но отдельные значимые различия также имеют место. При этом различие в частотности использования соматизмов в восточнославянских лирических песнях разных фольклорных систем не связано с различием в качественном и количественном составе их кодовых функций (значений). В целом материалы восточнославянских лирических песен подтверждают сделанный нами ранее вывод о том, что национально-культурная специфика реализации соматического кода в восточнославянском фольклоре – не только в силу универсальности рассматриваемого кода, но и в силу близости исследованных культур – практически не проявляется; разница обнаруживается только в некоторых отдельных частных моментах.

Ключевые слова: лирическая песня, соматический код, русский, украинский, белорусский, русинский фольклор, национально-культурная специфика.

* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

SOMATIC CODE IN EAST SLAVIC LYRICAL SONGS*

I.V. Tubalova¹, G. Wang²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: tina09@inbox.ru

² E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

Abstract

This research continues a comparative analysis of the code functions of somatisms in Russian, Ukrainian and Belarusian folklore. The authors carry out a comparative analysis of the content and principles of the somatic code organization in various East Slavic cultures implemented in Russian, Ukrainian, Belarusian and Rusin lyric song. It has been revealed that the frequency of the studied units in the lyrical songs of the cultures under analysis is close, yet some important differences occur. At The difference in the frequency of somatisms in East Slavic lyrical songs of different folklore systems is not related to the difference in the qualitative and quantitative composition of their code functions (values). In general, the materials of East Slavic lyrical songs confirm our earlier conclusion that the national-cultural specificity of the somatic code implementation in East Slavic folklore practically does not appear not only because of the universal character of the code, but also because of the proximity of the cultures. The difference is found only in some particular moments.

Keywords: lyrical song, somatic code, Russian, Ukrainian, Belarusian, Rusin folklore, cultural identity.

Данная статья представляет результаты анализа специфики вербальной реализации соматического кода национальной культуры в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях. Работу можно рассматривать как продолжение проведенного ранее исследования реализации этого кода на материале русских, украинских и белорусских пословиц и частушек (Тубалова, Ван 2018а).

Анализ лексических единиц, называющих части тела человека (соматизмов), функционирующих в фольклорном тексте, в свою очередь, вписывается в активно развиваемое в современной славистике исследовательское направление, выявляющее способы «включения

* This research was supported by The Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme Grant.

вербальных компонентов в культурный контекст и их функции в этом контексте» (Толстая 2013: 113).

Обращение к анализу вербальных форм реализации культурного смысла основано на положении о том, что «имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общезыкового, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» (Гудков 2004: 42).

Соматический код в системе культурных кодов занимает особое положение, что подчеркивается в работах Ю.Д. Апресяна, Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, А.Д. Шмелева и др. Исследователи объясняют это прежде всего тем, что в рамках мифологического мышления тело и его части выступают как объект первичного познания человека (соматический код – наиболее древний из существующих), а экстраполяция результатов этого познания на окружающий мир становится удобной формой его интерпретации («человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» (Красных 2002: 233)). Кроме того, характеризуя принципы формирования соматического кода, исследователи обращают внимание на то, что «части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения» (Ойноткинова 2011: 6). Содержание соматического кода культуры в наименьшей степени зависит от внешних условий существования ее носителей (например, природно-ландшафтных, способных влиять на содержание растительного или пространственного кодов) и определяется в основном внутренними духовными принципами ее развития: «Телесный код является универсальным в силу единства анатомии и физиологии всех человеческих существ» (Гудков, Ковшова 2007: 78–79).

Соматизмы как составляющие вербального соматического кода разных национальных культур в настоящее время активно изучаются (Гудков, Ковшова 2007; Дмитриук 2009; Абакумова 2011; Ойноткинова 2011; Кремшокалова 2012; Башкатова 2014; Савченко 2014; Тубалова, Ван 2018а; Тубалова, Ван 2018b; Ван 2019 и др.).

В предыдущем исследовании (Тубалова, Ван 2018а) мы пришли к выводу о том, что содержание и принципы организации вербального соматического кода в восточнославянских пословице и частушке обладают выраженной жанровой спецификой, а национально-культурная специфика его реализации проявляется только в некоторых отдельных частных моментах.

Цель данной статьи – сопоставить реализованные в лирических песнях как особом фольклорном жанре принципы организации сома-

тического кода русской, украинской, белорусской и русинской национальных культур и обнаружить сходство и различия в его реализации.

В качестве эмпирического материала для данного исследования выступили тексты русских, украинских, белорусских и русинских лирических песен с соматизмами (386 русских / 220 украинских / 187 белорусских / 106 русинских), выбранные из 12 фольклорных сборников (Шейн 1874; Де-Воллан 1885; Грушевський 1896; Вавилова, Василенко, Игнатов 1987; Колесса 1901; Кравцов, Кулагина 1976; Варганова 1988; Выходцев 1990; Бардина 1997; Іваницький 2008; Хрестаматія 2012; Павленко 2013; Беларускі фальклор 2016).

В связи с тем, что вопрос о привлечении к анализу материалов русинского фольклора в качестве национально специфической вербальной практики требует особого решения, обоснуем условия отбора и квалификации русинской составляющей нашего материала, включающей лирические песни Угорской Руси и Лемковщины (Де-Воллан 1885; Грушевський 1896; Колесса, 1901).

После распада СССР и «бархатных» революций в странах Восточной Европы началось новое русинское Возрождение. Во многих странах проживания русинов признаны их этничность и язык (Катунин 2015a; Катунин 2015b; Катунин 2016; Дуличенко 2017; Копорова 2017; Плішкова, Цітрякова 2017). Поэтому вполне обоснованно выделение в нашем исследовании лирических песен русинского происхождения. Нынешнее русинское Возрождение наиболее активно происходит в польской Лемковщине и т. н. исторической Угорской Руси, включающих территории нынешних Закарпатской области Украины, румынского уезда Марамуреш, Восточной Словакии, сербской Воеводины (Суляк 2019).

В фокусе внимания данного исследования – проблема отражения культурно обусловленных смыслов соматизмов, функционирующих в восточнославянской лирической песне как особом жанре фольклорного дискурса.

Фольклорный дискурс обращается к содержанию национально-культурного кода, выраженного в вербальных единицах особым образом.

Вербальный художественный фольклор представляет собой один из видов культурно-дискурсивных практик. Его эстетически значимая форма, унаследовавшая мифологический принцип организации фольклорного мышления, способствует представлению исследуемых смыслов в особо выпуклой конфигурации. Национальный фольклор «не отражает всего многообразия жизненных проявлений отдельного социума, но объектом его фиксации становятся наиболее значимые для него модели мироопределения» (Славянский мир 2009: 197).

Значимость апелляции к национально-культурным кодовым смыслам определяется прежде всего целью фольклорного дискурса: «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» (Эмер 2011: 33).

Интенциональная направленность фольклорного дискурса определяет органичность прямой апелляции к ценностному содержанию национально-культурных кодов как основанию для реализации этой оценки.

Данная специфика фольклорного дискурса уже достаточно давно обсуждается в лингвофольклористике в особом аспекте, обнаруживающем наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы стабильных символических значений, что отмечено в целом ряде исследований (Цивьян 1973; Хроленко 1976; Хроленко 1979; Артеменко 1988; Никитина 1993; Путилов 1994; Толстая 1994; Неклюдов 2005; Артеменко 2006; Толстая 2013 и др.).

Активизации кодового смысла единиц, приобретающих в фольклорном дискурсе новые концептуально значимые (кодовые) смыслы, способствует эстетическая жанровая форма фольклора. В нашем предыдущем исследовании (Тубалова, Ван 2018а) мы показали, в чем заключается жанровая специфика реализации кодового смысла соматизмов в восточнославянских пословицах и частушках, проявляющих в исследованных культурах единство жанровых установок. Кроме того, авторами настоящей статьи была описана специфика жанровой реализации соматизмов в русской лирической песне в ее сопоставлении с русской частушкой (Ван 2019).

В данной работе рассмотрим характер их функционирования в качестве кодовых единиц восточнославянских лирических песен, также обнаруживающих единство жанровых функций. Сосредоточимся на решении вопроса о том, обладают ли функции соматизмов в лирической песне восточных славян национально-культурной спецификой и являются ли жанровые задачи их использования едиными для фольклорных систем восточных славян.

Общность формы и содержания устно-поэтического творчества разных народов фольклористика объясняет разными причинами. Среди них – причины историко-генетические (основанные на наличии этнической общности народов), историко-культурные (связанные с наличием длительных культурных связей народов) и историко-типологические (отражающие сходство развития и духовных потребностей народов) (Кравцов, Кулагина 1976).

Формирование гипотезы о единстве реализации в фольклоре восточных славян вербального соматического кода определяется наличием целого ряда факторов, соответствующих всем указанным

причинам. Народы, фольклор которых рассматривается, обладают генетическим сходством, длительно существуют в условиях культурных связей и имеют общие принципы духовного развития. Кроме того, еще один – особый – фактор связан с характером кодирующих знаков, представляющих собой вербальные результаты культурной интерпретации частей тела человека: как отмечено выше, соматический код в наименьшей степени зависит от типа формирующей его культуры в силу неспецифичности устройства человеческого тела.

Исследователи рассматривают жанр лирической песни как активно функционирующий в фольклоре практически всех народов, в т. ч. восточнославянских.

Ю.Н. Соколов определяет **лирические песни** как «народные песни, выражающие личные чувства и настроения поющих» (Соколов 1925: 414). Жанровую направленность лирической песни на выражение эмоций и чувств подчеркивает и Н.П. Колпакова: «Два основных цикла человеческих эмоций – радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями – составляют основное содержание народных лирических песен» (Колпакова 1962: 207; см. об этом также: Лазутин 1981 и др.).

Основная функция соматизмов в рассматриваемом жанре – посредством участия в описании сюжетных ситуаций, включающих соматические действия, передавать содержание обобщенных эмоций и чувств. Кодовое содержание соматизмов в лирической песне реализуется в соответствии с жанровой установкой на передачу обобщенных эмоций горя и радости, характерных для данного жанра в целом.

Кодовое значение соматизма в лирической песне выражается ассоциативно. В.И. Еремина объясняет это следующим образом: «Символ лирической песни – это символ психологический, поэтому он никогда не может быть точно расшифрован. Нельзя, например, сказать, что образы калины, ракитова куста или реки Смородины равны по своему значению горю, смерти. Указанные образы лишь вызывают ассоциацию с бедой, но ассоциацию всегда одну и ту же, всегда строго постоянную» (Еремина 1978: 133). Обобщенность значения кодовых единиц лирической песни, невозможность представить их логически точное толкование соответствуют жанровой направленности на выражение эмоций и чувств, также сложно поддающихся квантификации.

Проведенный ранее анализ функций соматизмов в русских лирических песнях (Ван 2019) позволил сделать вывод о том, что в русской лирической песне они участвуют в трансляции эмоций и чувств, которые передаются через описание соматических реакций и ощущений персонажей. При этом в лирической песне широкий

репертуар эмоций и чувств, реализуемых при посредстве соматизмов, обобщается (см. приведенное выше утверждение Н.П. Колпаковой).

Для того чтобы выяснить, обладает ли характер реализации вербального соматического кода национально-культурной спецификой в лирической песне как жанре фольклора восточнославянских народов, рассмотрим: а) частотность и состав; б) кодовые функции соматизмов в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях.

На материале русской лирической песни (Ван 2019) было показано, что распределение соматизмов по степени частотности их использования обосновано характером жанровой цели, сфокусированной на обобщенной передаче эмоций и чувств: наиболее востребованными оказываются те соматизмы, которые на уровне общеславянского кода в большей степени ориентированы на их трансляцию. В связи с этим состав соматизмов и частотность их использования в лирической песне отличаются от их состава и частотности в пословице (максимально полно представляющей соматический код культуры) и частушке (ограничивающей функцию соматизмов реализацией эмоционального кода любовных отношений) (Тубалова, Ван 2018а; Тубалова, Ван 2018b).

Примем за исходный состав соматизмов, фиксируемых в восточнославянских пословицах, жанровая установка которых предполагает построение наиболее полной ценностной картины национальной культуры. Этот состав, как было показано (Тубалова, Ван 2018а), для восточнославянских культур практически совпадает.

Сравнивая с ним состав соматизмов, используемых в лирических песнях всех рассматриваемых национальных культур, в первую очередь обратим внимание на отсутствие (или единичную фиксацию) единиц *зубы, язык, уши*, достаточно последовательно используемых в пословицах.

В таблице приведены данные о количественном соотношении соматизмов, зафиксированных в восточнославянских лирических песнях и включенных в группы высокочастотных и среднечастотных.

**Количество наиболее востребованных соматизмов в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях
(в процентах от общего количества зафиксированных соматизмов)**

	Рус. 85	Укр. 88	Белорус. 86	Русин. 87
Голова	21	11	14	14
Сердце	13	18	14	13
Руки	12	13	14	14
Волосы / кудри / коса	10	9	11	9
Глаза	7	16	15	14
Ноги	6	6	3	5
Брови	6	6	9	7
Лицо	4	8	2	10

По степени частотности соматизмов выделим группы высокочастотных (от 10 %), среднечастотных (3–9 %) и низкочастотных (2 % и менее) (процентные показатели использованы в связи с неравновесным количеством привлеченного материала разных фольклорных культур). Проанализируем состав этих групп в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях.

Состав группы малочастотных соматизмов (*рот / губы, спина*), а также перечень полностью отсутствующих (но фиксируемых в пословице) единиц в лирических песнях всех исследуемых культур практически совпадает (исключение – выражено более высокая, чем в песнях других культур (1–2 %), частотность соматизма *плечи* в русских лирических песнях – 6 %) и определяется тем, что эти соматизмы не предназначены для передачи эмоций и чувств на уровне восточнославянского культурного кода. При этом в пословицах восточнославянских фольклорных систем такие соматизмы достаточно активно представлены. Например, соматизм *язык* наиболее последовательно маркирует в восточнославянских поговорках антиценность болтливости (*Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами* (рус.); *Языком плескати – не ціном махати* (укр.); *Языком меле, як хвостом целе* (белорус.); *Має острый язык* (русин.)). В исследованных лирических песнях данный соматизм не зафиксирован, т. к. его обобщенное содержание, заданное на уровне восточнославянского культурного кода (традиции), не предназначено для реализации типовых эмоций, транслируемых в лирической песне.

Показательной в связи с этим представляется кодовая интерпретация в рассматриваемых фольклорных системах соматизмов, номинирующих *рот* (рус. *рот, губы* и их эквиваленты в других восточнославянских языках). В поговорках последовательно используются как единица *рот*, так и единица *губы*. Лексема *рот* в основном употребляется в кодовом значении «полость / сосуд, позитивно / негативно характеризующий его обладателя либо по типу содержимого, либо по способу его попадания в этот сосуд» (*Замеси, да еще и в рот поднеси* (рус.); *Горазд – рот розкрив! Хоч колесами в'їджджай* (укр.); *Вино щи не укисло, паленка дорога до блуду, тай не хочу собі рот забабрити* (русин.)). Лексема *губы* реализует разные значения: например, «индикатор желаний, не соответствующих возможностям» (*Губа не дура, язык не лопатка: знает, что горько, что сладко* (рус.); *Губа не дура, знаец, што примаец; Ёсць зубы, да хльба нема до губы* (белорус.)), «инструмент ограничения болтливости» (*Губки да зубки два замочка: вылетит словечко – не поймаешь* (рус.); *Якби не зуби і губи – була б уже душа на дубі* (укр.)), «индикатор сердитого человека» (*У сердитого губа толще, а брюхо тоньше* (рус.); *Што топыриш губы?* (русин.)).

В восточнославянских лирических песнях лексема *рот* практически не используется. При этом лексема *губы* хоть и попадает в группу малочастотных соматизмов, но все же фиксируется не единично (в русских и белорусских лирических песнях – по 1 %, в украинских и русинских – по 2 %). Но в исследуемом жанре ассоциативное кодовое содержание данной лексемы устойчиво связывается с эмоциями любовного взаимодействия: *Встань, девица, подбодрись, подбодрись, С парнем, девка, полюбись, полюбись. Парень девку обнимал, обнимал, В алы губки целовал, целовал* (рус.); *А в нелюба гірка губа, гірче полиночку. Сушить, в'ялить ще й печалить Мою головочку* (укр.); *Пасуть овцы в полонинь, Где ся зеленье, Тая дївчи хлопци любять, Что ся румянье. А чомь вь тьбе, дївчинонько, губки солоденьки?* *Смаровала мати медомь, Еще молоденькии* (русин.). В примере из русской песни данный соматизм сопровождается постоянным эпитетом (*алы губки*), выражающим нормативную характеристику молодой девушки, а в примерах из украинской и русинской песен антонимичные характеристики губ (*гірка губа; губки солоденьки*) фиксируют позитивный / негативный характер любовных эмоций. Таким образом, лексема *рот* в восточнославянских лирических песнях не используется как не предназначенная на уровне единого для исследуемых культур фольклорного кода для маркирования эмоций и чувств, а для лексемы *губы* такая функция оказывается возможной, что позволяет ей участвовать в реализации эмоционального кода лирической песни.

Как уже отмечалось, обращает на себя внимание значительно больший процент использования соматизма *плечи* в русских лирических песнях (среднечастотного) в сравнении с лирическими песнями других восточнославянских культур (где он оказался в группе низкочастотных соматизмов), как показал исследованный нами материал. Ассоциативные кодовые функции соматизмов в лирических песнях реализуются при их использовании в сюжетных ситуациях определенного типа, и состав сюжетных ситуаций в лирических песнях восточнославянских культур приблизительно совпадает. Следовательно, можно предположить, что в тех сюжетных ситуациях, где соматизм *плечи* реализуется в русских лирических песнях, в других культурах он не используется.

В русских лирических песнях соматизм *плечи* используется в ряде различных типовых сюжетов, но наиболее частотно – в рекрутских песнях в ситуации лишения рекрута волос: *У дородного доброго молодца В три ряда кудри завивалися, Во четвертой ряд по плечам лежат, Ой, во пятой ряд с плеч валилися. Ой, почуяли черны кудри, Что невзгодушку великую, Что служить службу государеву; Уж вы кудри мои, кудерушки, Молодецкие-удалецкие! Оне в три ряда, кудри,*

завивалися, **Оне в три ряда по плечам лежат, По плечам лежат, словно жар горят**. Послышали на себя невзгодушку, Невзгодушку – чужую сторушку, Чужу-дальную, незнакомую. Отдают дружка во солдатушки, Во молоденьки во рекрутушки (рус.). В этом случае соматизм *плечи* символизирует нормативное положение волос (*кудрей*) молодого парня, которое нарушается в связи с его насильственной отправкой на военную службу. Подобная сюжетная ситуация является типовой и для лирических песен других восточнославянских культур. Так, авторы учебника по украинскому устному народному творчеству пишут о том, что «самым драматичным моментом, который становился кульминацией действия, потому что означал окончательный приговор молодому человеку, было принудительное и обязательное бритье "чуба" – парня стригли "налысо", что было первым унижением человеческого достоинства. Этот эпизод широко воспроизведен в песнях» (Лановик, Лановик 2006: 349). Но в исследованном нами материале украинских, белорусских и русинских лирических песен соматизм *плечи* при реализации этого сюжета не используется: *Волосічко мое, где когда дело? На облак летело, за Дунай падало, В кошіцкій касарні на облак летело, Милая го собирала, жалосно плакала; Ой уже мосты споріжені, набитые пола, Пошли наши кудряшки господам под ноги. А чьи же то кудряшки по помостах наго? Но то кудряшки легініка моего* (укр.); *Молодого парубочка на рекрута ізловили, Йак вони го ізловили, Назд рукьї ізвйизали <...> Привели го до циркулу, йобтьили му усью голову* (русин.). В этом, возможно, заключается одна из причин обозначенной специфики уровня частотности соматизма *плечи* в русских лирических песнях. Отметим, что мы обнаружили использование данного соматизма в близкой функции в белорусских песнях о горькой доле девушки, не желающей выходить замуж: *Бѣлый молодзецъ хохочаца, А мнѣ съ табой ня хочаца: Быць моимъ косочкамъ расплециннымъ, По бѣлымъ плечамъ растрепаннымъ* (белорус.).

Состав групп среднечастотных (*ноги, брови, грудь, лицо*) и высокочастотных (*голова, сердце, руки*) соматизмов в лирических песнях восточнославянских культур также практически совпадает. В большинстве очень близким оказывается и уровень их частотности. Однако отдельные средне- и высокочастотные соматизмы демонстрируют в лирических песнях разных восточнославянских культур выраженные различия в уровне их востребованности. Среди них – соматизмы *лицо* (частотность которого в украинских и русинских песнях значительно выше, чем в русских и белорусских, причем если его частотность в русских, украинских и белорусских лирических песнях является средней, то в русинской народно-песенной культуре он реализуется как высокочастотный), *глаза* (высокочастотный во всех исследуемых

песенных культурах, кроме русской) и *голова* (который, реализуясь во всех восточнославянских культурах как высокочастотный, в русских песнях проявляет наиболее высокий уровень частотности).

Предположим, что различие в частотности использования соматизмов в восточнославянских лирических песнях разных фольклорных систем определяется различием в качественном и количественном составе их кодовых функций (значений).

Для проверки этого предположения мы проанализировали системы кодовых смыслов, транслируемых в лирических песнях исследуемых культур при посредстве соматизмов *лицо*, *глаза* (частотность которых в лирических песнях разных восточнославянских культур неодинакова) и *руки* (частотность которого в них близка).

Приведем особо значимые результаты анализа.

Соматизм *лицо* значительно чаще, чем в русских и белорусских лирических песнях, реализуется в украинских, а особенно в русинских песнях. Отметим, что ранее мы зафиксировали его значительно большую частотность в украинских частушках (коломийках) в сравнении с русскими и белорусскими (Тубалова, Ван 2018а). Обратим внимание на то, что частушки также являются жанром народной лирики, направленной на передачу эмоций и чувств, и соматизмы используются в них в близкой функции.

Анализ кодовых функций данного соматизма в восточнославянских лирических песнях показал, что в абсолютном большинстве случаев во всех исследуемых культурах он реализуется в сюжетных ситуациях любовного взаимодействия, участником которого является «обладатель лица». Ассоциативное кодовое содержание соматизма в этом случае связано с маркированием нормативного образа героя, обладающего красотой как значимым качеством ориентированности на любовь (во многих случаях эта кодовая функция поддерживается постоянным эпитетом *белый*): *Уж ты, волюшка, да разневоля, Ты не знаешь мово горя! Мое горюшко, да великое: С горя ноженьки не ходят, Со слез глазушки не смотрят, Белы ручушки не робят, Красота в лице переменилась. Уж ты, голубь мой, сизокрылый! Ты скажи мне, где мой милый?* (рус.); *Дзяўчынанька, галубанька, бела лічка маеш, Адно жа мне, маладому, тугу задаваеш. Дзяўчынанька, галубанька, чорны вочы маеш, Адно жа мне, маладому, тугу задаваеш* (белорус.) и др. Именно в описании сюжетных ситуаций такого типа соматизм *лицо* используется в украинском и русинском фольклоре значительно чаще, чем в русском и белорусском.

Однако наш материал показал, что при реализации этой функции соматизма *лицо* в лирических песнях разных восточнославянских фольклорных культур обнаруживаются некоторые различия. Назовем два наиболее последовательных из них.

Во-первых, реализация функции маркирования участника любовного взаимодействия во всех случаях ее проявления в исследованных нами материалах русского фольклора проявляется при представлении любовной дисгармонии. Соответственно, *лицо* в таких сюжетных ситуациях описывается как поврежденное: *Холостой парень любителъ дорогой, Он не чувствует любви, злодей, никакой. Такова любовь на свете горяча, Горяча любовь, слезами она облита. Как у Машеньки заплаканы глаза, У красавицы затерто белое лицо; На горе растет калина, под горою малина. Молодая девчоночка молодчика любила <...> Выходила красная девка на свое новое крыльцо; Простужала красна девка свое белое лицо* (рус.). Единично в русских песнях зафиксировано использование исследуемого соматизма при описании дисгармоничной ситуации несчастливой замужества, где поврежденное / неповрежденное состояния лица значимо противопоставляются: *Батюшке я говаривала, Матушке я приказывала: Не отдавай, батюшка, в ту сторону, В ту меня сторону – за Кострому! <...> Видно кручина по белому лицу. Срадости – лицо белится, Белится лицо, румянится; С печали – лицо чернится, Чернится лицо, марається* (рус.).

В украинских и русинских песнях, где частотность использования этого соматизма в подобных случаях значительно выше, *лицо* используется в описании не только дисгармоничных (*Плакала, ридала, З личенька змаріла; Видно по дівчині: Віночка жаліла* (укр.)), но и (чаще) гармоничных сюжетных ситуаций (*Ой чий то кінь стоїть що сива гривонька сподобалась мені сподобалась мені тая дівчинонька. Не так та дівчина як біле личенько подай же дівчино подай же гарная на коня рученьку; не та розмова, не тії слова, не та розмова, не тії слова, не біле личко, не чорні брова* (укр.); *Ой, Яничку, громь бь тя вбивь, То ты мое сердце знудивь, Не нудь сердце, не нудь мене, Бот я побье Богъ за мене. Личко къ личку притулити, Ней ся его мати знае, Якій овунь звычай мае; А ви, хлопцы, молодцы, Перекажіте дівонцы, Ней она сы не журит, Красу з личка не губит* (русин.)).

Не претендуя на глобальные выводы, все же отметим, что характер использования соматизма *лицо* в украинских и русинских песнях в целом оказывается очень близким, вплоть до полного совпадения его значимых нормативных характеристик, не обнаруженных нами в песнях других восточнославянских культур (*Мене мамка породила У четверь у днинку, Дала мень чорны очи, Личку якъ калинку* (русин.); *Пришла к съвитлоньки Пределы красные девоньки, Поставила на столоньку Против своего личика, Спрашивала батенька: Буду ли я такая, как калинка тая?* (укр.)), и даже крайней внутрисюжетной и текстологической близости при описании ситуаций такого типа (*Породила-жь мене мати темненькои ночи, Дала мень бгьло личко и чорныи очи* (укр.)).

Еще одно отмеченное нами отличие заключается в том, что использование исследуемого соматизма в «любовных» ситуациях русских и белорусских песен фиксируется только при характеристике девушки, а в украинских и русинских – и при характеристике парня (*А я люблю Петруся, Да и сказать боюсь: Ой, беда не Петрусь, **Белое лицо**, черный ус* (укр.); *Что выберала, навывберала, Нема такого, як я кохала. Мой былъ сивеньки, чернобровеньки, **Личко румяне**, самъ былъ маленьки* (русин.)).

Таким образом, можно предположить, что различия в частотности использования соматизма *лицо* в лирических песнях разных восточнославянских культур определяется степенью разнообразия его кодовых смыслов. Данное наблюдение соответствует выдвинутому нами ранее предположению о том, что в украинской частушке, в отличие от русской и белорусской, исследуемый соматизм частично берет на себя функцию «инструмента любовного взаимодействия», которую в других культурах выполняет соматизм *глаза* (Тубалова, Ван 2018а).

Рассмотрим некоторые значимые особенности реализации в восточнославянских лирических песнях соматизма *глаза*, средне-частотного для русской лирической песни и высокочастотного для лирической песни других восточнославянских культур.

Кодовые функции данного соматизма в восточнославянских лирических песнях более разнообразны, что соответствует его более высокой частотности.

В целом функции соматизма *глаза* в исследуемых лирических песнях, как и в восточнославянских пословицах (Тубалова, Ван 2018а), организованы в рамках семантики взаимодействия человека – обладателя глаз – с внешним миром, что соответствует физиологическим функциям номинируемой при его посредстве части тела. Универсальность соматического кода культуры определяет максимальную общность указанной семантики в народной лирике всех рассматриваемых культур: в силу жизненных функций номинируемого органа соматизм *глаза* интерпретирует коммуникативную активность героя лирической песни.

В большинстве случаев этот соматизм используется при описании сюжетных ситуаций любовного взаимодействия. Реже, но тоже достаточно регулярно он привлекается при описании сюжетных ситуаций, связанных со смертью героя, интерпретируемой при использовании данного соматизма как прекращение связи с миром.

Общность характера его использования определяется и единством жанровой функции лирической песни всех восточных славян. Данный соматизм в соответствии с жанровой функцией используется для выражения эмоций и чувств, в большинстве связанных с любовной

дисгармонией и смертью, т. е. негативных. Эмоции радости при помощи соматизма *глаза* также выражаются, но значительно реже.

Эмоции горя и радости передаются: 1) через описание реальных соматических действий / состояний глаз, представленных как нормативные (соответствующие фольклорным нормам красоты) или ненормативные (ограниченные, нетипично осуществляемые, повышено активные, не характерные для этого органа и т. п.); 2) через представление глаз как отделенного от их обладателя субъекта или предмета.

Кратко рассмотрим, как реализуются эти способы передачи эмоций и чувств в нашем материале.

1. Если использование соматизма *лицо* при описании героя любовной гармонии характерно в основном для украинских и русинских песен, то использование в этой функции соматизма *глаза* хоть и не частотно, но регулярно реализуется в лирических песнях всех исследуемых культур: *Опушка боброва, Маша черноброва, чернобровая, черноглазая, Белололиця, круглолиця, Брови черные наведенные, Глаза серые развеселые, Щечки алые, расцвеченные* (рус.); *Такий у мя былъ миленькій, Тай высокій и тоненькій, Такий такий кучерявый, Очка чорны, самъ блявый* (русин.) и др. При этом данный соматизм с определителями, называющими стабильные качества глаз, соответствующие фольклорной норме, используется и при описании любовной дисгармонии, за счет чего эмоции горя усиливаются: *Видно печаль по ясным очам; Видно кручина по белому лицу* (рус.); *Я піду в далекі гори, на широкі полонини І попрошу вітру зворів, аби він не спав до днини. Щоб летів на вільних крилах на кичери і діброви І дізнався, де моя мила – карі очі, чорні брови* (укр.); *Марико сьрыко, Сьры очи маешь, Не нозирай (не смотри) на мя, Жаль ми задаваєшь* (русин.).

Кроме того, соматизм *глаза*, сохраняя собственно соматическое значение, в восточнославянских песнях может приобретать дополнительную ассоциативную кодовую семантику за счет сюжетного представления номинируемой части тела как ненормативно действующей или находящейся в ненормативном состоянии, а также ограниченной в своих соматических действиях. Это способствует передаче эмоций горя при описании любовной дисгармонии (разлуки, измены, любви без взаимности и т. д.) или смерти: *Как возговорит добрый молодец: «Перейми коня, красна девица!» – «Мне нельзя перенять коня: У меня травой ноги спутаны, Росой глаза замочены»* (рус.); *Дала дівчина хустину, Козак у бою загинув, Темної ночі покрили очі, Вже він в могилі спочинув* (укр.); *Боляць мои ножиньки оть скорой походыньки, Боляць мои плечики оть цяжкаго ружейчика, Боляць мои вочиньки оть синяго пороху* (белорус.); *Іак упустьат грішне тыло у глибокі доли,*

Засипайут піском очи, не глянута нїколе. У гробі будут ребра, бокы, з головою руки, Душа піде безсмертельна на вічній мукы (русин.).

Отметим, что в русских песнях значительно более частотной такой способ использования данного соматизма реализуется в сюжетах любовной дисгармонии, тогда как в песнях других восточнославянских культур в основном он используется в сюжетах, представляющих ситуации солдатской тяжелой доли или смерти героя.

2. Сюжетное «отделение» части тела от его обладателя характерно для фольклорного текста в целом и используется в восточнославянских пословицах, частушках и лирических песнях регулярно. В исследуемом жанре восточнославянского фольклора использование соматизмов подобным образом способствует трансляции эмоций горя и радости, усиленных представлением соматических движений как совершаемых органом человеческого тела независимо от его обладателя.

Для реализации этой функции соматизм *глаза* в сюжетной ситуации восточнославянской лирической песни в большинстве предстает как: 2.1) активный субъект, действующий независимо от героя – обладателя глаз – или пассивный субъект, пребывающий в определенном состоянии, не всегда совпадающем с состоянием героя – обладателя глаз; 2.2) сосуд с содержимым определенного типа – значимого в аспекте оценки ситуации, способствующей трансляции передаваемых эмоций; 2.3) инструмент действий героя – обладателя глаз.

2.1. Представление глаз как активного / пассивного субъекта в восточнославянских лирических песнях осуществляется наиболее частотно. Для реализации эффекта передачи эмоций и чувств действия этого субъекта описываются либо как выполняемые им самостоятельно, в т. ч. в противоречие действиям обладателя глаз («Ах ты миленький дружок, Не гляди, друг, на меня, Не пойду я за тебя!» – **«И я рад бы не глядел, Да глаза мои глядят!** Хоть отца-мать прогневно, Да тебя, друга, люблю; Хоть мне от дому отстать, Да тебя, друга, достать!» (рус.); Головынька моя бѣдная, Чаго скоро склопоцилася? **Вы вочки мои свѣтленькіе, Чаго вы скоро змутусилися?** Ручки вы мои бѣленьки, Чаго скоро опусцилися? Ножки мои бягучія, Чаго скоро подломилися? (белорус.); Качалися возы съ горѣ, На долинѣ стали. **Любилися чорны очи, Теперь перестали;** Качалися возы съ горѣ, Качатися будуть; **Любилися чорны очи, Любитися будуть** (русин.)), либо как способствующие его действиям или выполняющие их вместо него (Что **пеняю** я, младешенька, На свою ли участь горькую, **На свои ли очи** ясные, **Ах вы очи, очи ясные, Вы глядели, да огляделися, Вы смотрели, да осмотрелися.** Не по мысли вы друга выбрали, Не по моему по обычаю (рус.); А як вітер з полонини полетіти не захоче, Все одно

знайду дівчину – чорні брови, карі очі. *Перейду я бистрі ріки, і бескиди, і діброви і шляхи мені покажуть карі очі*, чорні брови (укр.); А я бедная дзяўчына Шчэ й гора пазнала. *Вячарэнькі не даела, Ночкі не даспала. Як вазьму я кружалечка, Сяду на ваконца. Яшча вочкі не драмалі* А ўжо ўсходзіць сонца (белорус.); *Очка мойі сивенькыйі, біда мені з вами, Но хочите ночувати йедну нычку сами. То йеднуسته ночували і тойі не спали, Сидыли-сьте під віконцьом, льубка визирали* (русин.)).

2.2. Представление глаз как сосуда основывается на специфике физиологической формы соответствующей части тела, что способствует единству такого их представления в песнях всех исследуемых культур.

В качестве содержимого в этом случае чаще всего выступают слезы, которые из глаз *вытекают, льются, бегут, катятся* или *наполняют, наливают* их. Семантическая связь «глаза – слезы» также обусловлена физиологически и не является культурно специфической. Транслируемые таким способом эмоции – всегда негативные: *Он ударил меня по белу лицу, По белу лицу, по румяной по щеке. Из бела лица кровь-руда бросалася, Закровавила мое платье цветное, Из ясных очей слезы покаталися* (рус.); *І зорі мерехтіли, Соловейко щебетав, В очах сльози тремтіли, Як я тебе пращав* (укр.); *Ой як мене відобрали та на войачину, Дали мені білий кабат дзелену шьипчину. Ой як мене відобрали до конья, до конья, Заплакала у сиві очка більавина моя* (русин.).

2.3. Представление глаза как инструмента действия их обладателя реализуется в восточнославянских песнях единично: *Іхав чумак із Дону додому, На драбиночку схилився. На драбиночку схилився, гей, Він своїми карими очима На своїх волів дивився* (укр.); *Доле моя, доле, нещаслива доле. Засьпала дївка мысленьками поле. Черными очима та й заволочила, Дробными слезами все поле заросила* (русин.). В русских и белорусских лирических песнях, привлеченных нами к анализу, такого способа использования соматизма глаза не зафиксировано.

Отметим, что в приведенных примерах инструментальное значение соматизма глаза реализует эмоции и чувства разными способами. В примере из украинской песни его функция, с одной стороны, приближается к собственно соматической («смотреть глазами» – физиологически нормально), а с другой – в нефольклорной речи валентность актанта глаза (очі) для глагола *смотреть* (*дивитися*) является нереализуемой, и ее реализация в лирической песне получает жанровую функцию трансляции эмоций и чувств. В примере из русинской песни исследуемый соматизм используется в функции инструмента при глаголе *заволочити* («побороновать легкой бороной» (Керча 2007)): в сюжетной структуре текста песни глаза «отделяются» от своего обладателя, что способствует решению аналогичной жанровой задачи.

Итак, проведенный сопоставительный анализ не показал выраженных различий жанровых функций соматизма *глаза* в восточнославянских лирических песнях. Несмотря на его более низкую частотность в русских песнях, спектр его кодовых смыслов в них не сужается (исключение – инструментальное значение, не зафиксированное в них, но и в песнях других культур оно используется единично).

Таким образом, результаты анализа данного соматизма не подтверждают предположение о том, что различие в частотности использования соматизмов в восточнославянских лирических песнях разных фольклорных систем определяется различием в качественном и количественном составе их кодовых функций (значений).

Не подтверждают его и результаты анализа случаев использования в восточнославянских лирических песнях соматизма *руки*, демонстрирующего в песнях разных культур близкую частотность, но, несмотря на это, имеющего отдельные различия в системе кодовых функций.

В отличие от *глаз руки* активно интерпретируют не только коммуникативную, но и физическую активность. Физиологическая форма, положение и реальные функции рук усиливают значимость их культурного осмысления как материального (не духовного) объекта и требуют сюжетной обусловленности совершаемых ими движений. Движения рук тесно связаны с реализацией либо бытовой (руками берут предметы, их несут, руки поднимают и т. п.), либо коммуникативной (руками машут, берут за руку и т. п.) активности. В связи с этим кодовая семантика соматизма устанавливает связь, с одной стороны, с диктумным содержанием лирической песни, а с другой – с видами их движений, осмысленными как типовые и вербально закрепленными соответствующими глагольными лексемами.

Кодовая семантика данного соматизма «инструмент / субъект активности» в лирической песне в большинстве случаев уточняется как «инструмент / субъект коммуникативной активности», значительно реже – как «инструмент / субъект трудовой активности». Эмоции и чувства передаются через использование соматизма в сюжетных ситуациях, где эта активность либо ограничивается (негативные эмоции), либо проявляется согласно норме (позитивные эмоции), либо предстает как повышенная (позитивные и негативные эмоции).

На основании этого в лирической песне соматизм *рука* наиболее регулярно реализует два типа ассоциативных кодовых значений, связанных с разными видами активности, что проявляется в соответствующих типовых сюжетных ситуациях.

1. *Рука* выступает как маркер связи между героями, которая обеспечивается активностью соответствующего органа. При этом в большинстве случаев *руки* используются в сюжетных ситуациях встречи

/ расставания и выполняют функцию инструмента взаимодействия: руками машут, за руку берут и т. п. Ценностно интерпретируемое в восточнославянских пословицах значение «активность» (*Ноги носят, а руки кормят* (рус.); *Аби руки і охота, буде зроблена робота* (укр.); *Вочы страшацца, а рукі зрабцяць* (белорус.); *Очима видит, руками не лишит* (русинск.)) используется в восточнославянских лирических песнях в следующих функциях:

1.1. В лирических песнях всех исследуемых культур наиболее последовательно реализуется кодовая функция «активность любовных отношений» и проявляется в сюжетных ситуациях любовно-семейного взаимодействия между парнем и девушкой, мужем и женой (*Ходил, гулял донской казак, в гудочек играл. Играл, играл, выигрывал невесту себе. Он, выбравши красну девушку, **За рученьку брал*** (рус.); *Да цілюються, милуються, А хто ж цьому рад? **Взяла парня за рученьку** та й повела в сад. Він **руками махає** і бровами моргає Та й на тую дівчиноньку **Що вірненько кохає*** (укр.); *Ой, рад бы я(й) павеяці, Калі гай высокі. Ой, рад бы я да(й) прыехаці, Калі край далёкі. Вали равуць – дамоў бягуць Ў полі за ракою, А за імі ды мой міленькі **Маша мне рукою*** (белорус.); *Ей, мой милый неборачокъ **Просивъ ручку на облачокъ**, Камьяное'мъ сердце мала, **Що'мъ му ручку не подала. Что тобъ, б'льый хлопе, Моя ручка** испоможе, **Хоть поможе, не поможе, Дай же ми ей, пани Боже*** (русин.)).

1.2. Только в украинских лирических песнях мы зафиксировали расширение типов сюжетных ситуаций, в которых *рука* используется как инструмент связи между героями. Приведем один из немногочисленных, но не единичных примеров, фиксирующих использование рассматриваемого соматизма в качестве инструмента дружеской связи: *Чужа сторона ще й чужі люди. А хто ж його поховає, як й'му смерть буде? Прийшов до него **товариш** его, **Бере їго за рученьку**, жалує его* (укр.).

2. Вторая группа кодовых смыслов соматизма *руки* является результатом конкретизации того же общего для восточнославянской культуры ценностного значения и реализуется в варианте «активность, соответствующая свободе, насильственно ограниченной извне». В этой функции соматизм *руки* используется в лирических песнях в сюжетных ситуациях ограничения свободы, интерпретируемой через ограничение движений *рук* (*руки сковали, связали, заломали* и т. п.) или их ненормативных движений / состояний (*опускать / поднимать руки, руки болят, замерзают* и т. п.). Сюжетное «отделение» *рук* от их обладателя используется в этом случае наиболее частотно.

2.1. Ограничение активности *рук* в восточнославянских лирических песнях наиболее частотно проявляется в сюжетных ситуациях тяжелой работы: *Сиротинушка, сенна девушка: «Государыня, родная матушка! Выкупи из неволюшки, Из неволюшки – дому барского: Пристоялись*

резвы ноженьки, **Примахались** белы **рученьки**, Качаючи дитя барского» (рус.); Чумак хворий став... Та чумак хворий, чумак нездоровий Та й на возі лежить. На возі лежить... Та ніхто ж його та не розпитає, Та що в нього болить. Що в нього болить... Та **болять ручки**, та болять ножки, Ой болить голова (укр.); – Купалінка, Купалінка, Цёмная ночка. Цёмная ночка, Дзе ж твая дочка? – Мая дочка у садочку Ружу, ружу поліць. Ружу, ружу поліць, **Белы ручкі коліць**. Кветачкі рвець, кветачкі рвець, Вяночкі звіае. Вяночкі звіае, Слэзкі пралівае (белорус.); Люляй же мть, люляй, Кедь мть маше люляти; Мене **ручки болять** Тебе колысати (русин.).

2.2. Ограничение активности рук другими участниками сюжетной ситуации также регулярно описывается в восточнославянских тюремных и рекрутских песнях: У добра молодца ноженьки сокованы, На ноженьках оковушки немецкие, **На рученьках** у молодца – **заимки затюремные**, А на шеюшке у молодца – рогатки железные (рус.); Ци били ня молодого Жандари мадьярські, **Нав'язали колодиці На ручки бетярські** (укр.); Бел малойчыка злавілі. Бодры ножанькі скавали, **Назад ручанькі звязалі**, Пасадзілі у вазочак Ды(й) на саменькі задочак (белорус.).

2.3. В песнях разных восточнославянских культур с помощью описания ограничений рук отображаются эмоции и чувства, связанные с нежеланным замужеством: «Ты, красавица, моя забавница, **Хоть ручкой махни!**». «Рада бы радешенька Я **ручкой махнуть**, **Руки заняты**: Жених за руку, сваха за другу!» (рус.); Ой у лузі при калині Колисала Ганнусина дві дитині. Колисала та й плакала, Поки її права **ручка ни зів'яла**. Як **зів'яла права ручка**, Типер жи я, моя мамцю, ни дівочка (укр.); За рэчкаю за быстраю, Ключыкі цьвітуць А там маю любезную **Пад ручкі вядуць**. **Адзін вядзе пад ручаньку Другі за другую** Трэцьці стаіць сэрца баліць, Любіў ды ніўзяў (белорус.).

2.4. В восточнославянских любовных / семейных песнях частотно проявляются сюжетные ситуации, связанные со смертью, где *рука* выступает как составляющая кода соответствующих смерти соматических реакций или операций с органами умершего: В тоске своей возговорит девица: «Я в те поры мила друга забуду, Когда подломятся мои скорые ноги, Когда **опустятся** мои белые **руки**, Засыплются глаза мои песками, Закроются белы груди досками!» (рус.); Пішов козак подивився, Аж під ворота, Його жінка Марусинка Білим накрита. «Устань, устань Марусинко, Устань, не лежи, Син маленький пробудився, На руки візьми». «Рада би я пробудиться, Рада б його взяти, **Руки**, ноги **приземлились**, Не можу я встати» (укр.); **Руки-ж** мойі біленькійі, то-сте сьі **поскалдали**, Йак йам йіхау на віноньку, шче-сте мйі обігмали. Очка-ж мойі чорненькійі, то-сте сьі зажмурили, Йак йам йіхау на віноньку, шче-сте сьі за мноу дивили (русин.).

Однако в связи с последним отметим, что только в русских лирических песнях были обнаружены сюжетные ситуации, представляющие

операции с *рукой*, описываемые с помощью глаголов с семантикой отторжения (*унести*, *похитить* и т. п.), что способствует трансляции наиболее глубоких трагических чувств: *А князь Роман жену терял, Жену терял, он тело терзал, Тело терзал, во реку бросал, Во то ли реку во Смородину <...> Слетались птицы разные, Сбегались звери дубравные, Откуль взялся млад сизой орёл, Унес он **рученьку** белую...; Знаю, ворон, твой обычай. Ты сейчас от мёртвых тел. Ты с кровавою добычей К нам в деревню прилетел. Где же ты летал по свету, Где кружил над мертвецом? Где **спохитил руку** эту, **Руку** белую с кольцом?*

Таким образом, сходство и различие в частотности реализации исследованных соматизмов *лицо*, *руки*, *глаза* в лирических песнях разных восточнославянских культур не связано с большим /меньшим разнообразием их кодовых функций. Кроме того, различия реализации соматического кода в русских, украинских, белорусских и русинских лирических песнях оказываются незначительными.

Материалы восточнославянских лирических песен подтверждают сделанный нами вывод о том, что национально-культурная специфика реализации соматического кода в восточнославянском фольклоре – не только в силу универсальности рассматриваемого кода, но и в силу близости исследованных культур – проявляется только в некоторых отдельных частных моментах (Тубалова, Ван 2018а). В то же время сходство кодовых функций соматизмов в лирических песнях как в едином для всех восточнославянских культур фольклорном жанре и их отличие – независимо от разнообразия культур – от функций соматизмов в других жанрах восточнославянского фольклора еще раз подтверждают сделанный ранее вывод о выраженной жанровой специфике исследуемого кода.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумова 2011 – Абакумова О.Б. Код культуры в семантике пословиц о правде // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. С. 319–323.

Артеменко 2006 – Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей: материалы науч. регион. конф. 2004 г. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 138–150.

Артеменко 1988 – Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.

Бардина 1997 – Жили да были: фольклор и обряды томских сибиряков / Собр. и сост. П.Е. Бардина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 222 с.

Башкатова 2014 – *Башкатова Ю.А.* Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.

Ван 2019 – *Ван Х.* Кодовая функция соматизмов в русской лирической песне // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 4 (201). С. 138–149. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-138-149

Вавилова, Василенко, Игнатов, 1987 – Русское народное поэтическое творчество: Хрестоматия / Сост. М.А. Вавилова, В.А. Василенко, В.И. Игнатов и др. М.: Высш. школа, 1987. 511 с.

Варганова 1988 – Русские народные песни / Сост. В.В. Варганова. М.: Правда, 1988. 576 с.

Выходцев 1990 – Лирические песни / Сост., предисл., подгот. текстов и примеч. П.С. Выходцева. М.: Современник, 1990. 653 с.

Гудков 2004 – *Гудков Д.Б.* Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Макс Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.

Гудков, Ковшова 2007 – *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Дмитрюк 2009 – *Дмитрюк Н.В.* Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30–33.

Дуличенко 2017 – *Дуличенко А.Д.* Славянская микролингвистика и славянская микрофилология // Русин. 2017. № 2 (48). С. 41–50. DOI: 10.17223/18572685/48/4

Еремина 1978 – *Еремина В.И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978. 184 с.

Катунин 2015a – *Катунин Д.А.* Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015. № 1 (39). С. 229–236. DOI: 10.17223/18572685/39/15

Катунин 2015b – *Катунин Д.А.* Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 1 // Русин. 2015. № 4 (42). С. 235–250. DOI: 10.17223/18572685/42/16

Катунин 2016 – *Катунин Д.А.* Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 2 // Русин. 2016. № 1 (43). С. 271–284. DOI: 10.17223/18572685/43/17

Керча 2007a 1 – *Керча И.* Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

Керча 2007b 2 – *Керча И.* Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

Колпакова 1962 – *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 283 с.

Кравцов, Кулагина 1976 – *Кравцов Н.И., Кулагина А.В.* Славянский фольклор. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 264 с.

- Красных 2002 – *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Кремшюкалова 2012 – *Кремшюкалова М.Ч.* Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий) // *Cuadernos de rusística española*. 2012. № 8. С. 95–101.
- Лазутин 1981 – *Лазутин С.Г.* Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 221 с.
- Лановик, Лановик 2006 – *Лановик М.Б., Лановик З.Б.* Украинская устное народное творчество. Учебное пособие. К.: Знання-Пресс, 2006. 591 с.
- Неклюдов 2005 – *Неклюдов С.Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // *Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч. конф. / Сост. В.Е. Добровольская, Н.В. Котельникова. М.: ГРЦРФ, 2005. Вып. 8. С. 22–41.*
- Никитина 1993 – *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
- Ойноткинова 2011 – *Ойноткинова Н.Р.* Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // *Сибирский филологический журнал*. 2011. № 3. С. 5–14.
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.
- Савченко 2014 – *Савченко Л.В.* Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации*. 2014. Т. 27 (66), № 2. С. 88–92.
- Славянский мир 2009 – «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / Под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 218 с.
- Соколов 1925 – *Соколов Ю.* Лирические песни // *Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm> (дата обращения: 12.11.2018).*
- Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // *Русин*. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/17
- Толстая 1994 – *Толстая С.М.* К понятию функции в языке культуры // *Славяноведение*. 1994. № 5. С. 91–97.
- Толстая 2013 – *Толстая С.М.* Коды культуры и культурные концепты // *Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.*
- Тубалова, Ван 2018a – *Тубалова И.В., Ван Х.* Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках // *Русин*. 2018. № 2 (52). С. 141–160.
- Тубалова, Ван 2018b – *Тубалова И.В., Ван Х.* Соматический код национальной культуры в русских пословице и частушке // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 437. С. 59–68.

Хроленко 1976 – *Хроленко А.Т.* Лексика русской народной поэзии. Курск: Изд-во КГПИ, 1976. 64 с.

Хроленко 1979 – *Хроленко А.Т.* Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 147–156.

Цивьян 1973 – *Цивьян Т.В.* К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1973. С. 13–17.

Эмер 2011 – *Эмер Ю.А.* Современный песенный фольклор. Когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

Беларускі фальклор 2016 – Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні: зборнік навуковых прац. Мінск: Беларуская навука, 2016. Вып. 3. 519 с.

Грушевський 1896 – Етнографічний збірник / Під ред. М. Грушевського. Львов: Наукове товариство імені Шевченка, 1896. Т. 2. 51 с.

Де-Воллан 1885 – Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 13, вып. 1: Угро-русские народные песни / Собираетель Г.А. Де-Воллан. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 265 с.

Іваницький 2008 – *Іваницький А.І.* Хрестоматія з українського музичного фольклору. Вінниця: НОВА КНИГА, 2008. 520 с.

Колесса 1901 – Етнографічний збірник. Т. 11: Галицько-руські народні пісні з мелодіями / Собираетель І. Колесса. Львов: Наукове товариство імені Шевченка, 1901. 303 с.

Керча 2012a – *Керча И.* Російсько-русинський словник: у 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 580 с.

Керча 2012b – *Керча И.* Російсько-русинський словник: у 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 596 с.

Копрова 2017 – *Копрова К.* К проблемам акцентологии в русиньскім нормативнім языку на Словакії // Русин. 2017. № 2 (48). С. 69–77. DOI: 10.17223/18572685/48/6

Павленко 2013 – *Павленко І.Я.* Хрестоматія з українського народнопісенного виконавства (з методичними поясненнями і коментарями): навч. посібник. Київ: Видавничополіграфічний центр «Київський університет», 2013. 286 с.

Плішкова, Цітрякова 2017 – *Плішкова А, Цітрякова З.* Русинський літературний язык у концепціях учених і стратегіях языкових конгресів // Русин. 2017. № 2 (48). С. 99–125. DOI: 10.17223/18572685/48/8

Хрэстаматыя 2012 – Хрэстаматыя па беларускай народнай музычнай творчасці / аўтар-укладальнік Л.В. Зыкава. Мінск, 2012. 209 с.

Шейн 1874 – Бѣлорусскія народныя пѣсни, съ относящимися къ ним обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложеніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній // Сборникъ П.В. Шейна. СПб., 1874. 563 с.

REFERENCES

Abakumova, O.B. (2011) Kod kul'tury v semantike poslovits o pravde [Culture code in the semantics of proverbs about truth]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 319–323.

Artemenko, E.B. (2004) Kontseptosfera i yazyk fol'klora: kharakter i formy vzaimodeystviya [Conceptosphere and language of folklore: the nature and forms of interaction] In: *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya* [Folk culture today and the problems of its study]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 138–150.

Artemenko, E.B. (1988) *Printsipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniya* [Principles for creating a folk song text]. Voronezh: Voronezh State University.

Bardina, P.E. (1997) *Zhili da byli: Fol'klor i obryady tomskikh sibiryakov* [Zhili da byli: Folklore and rites of Tomsk Siberians]. Tomsk: Tomsk State University.

Bashkatova, Yu.A. (2014) The somatic code of culture as a subject of comparative study. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 220–228 (in Russian).

Wang, G. (2019) Code function of somatism in Russian lyrical song. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (201). pp. 138–149 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-138-149

Vavilova, M.A., Vasilenko, V.A. & Ignatov, V.I. (1987) *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo: Khrestomatiya* [Russian folk poetic creativity: A Reader]. Moscow: Vysshaya shkola.

Varganova, V.V. (2002) *Russkie narodnye pesni* [Russian folk songs]. Moscow: Pravda.

Vykhotsev, P.S. (1990) *Liricheskie pesni* [Lyrical songs]. Moscow: Sovremennik.

Gudkov, D.B. (2004) Edinitsy kodov kul'tury: problema semantiki [Units of culture codes: the problem of semantics] In: Krasnykh, V.V. & Izotova, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Issue 26. Moscow: Maks Press. pp. 39–50

Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The bodily code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.

Dmitryuk, N.V. (2009) Frazеologicheskii somatikon kak otrazhenie arkhетipov yazykovogo soznaniya etnosa [Phraseological somatikon as a reflection of archetypes of linguistic consciousness of ethnos]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 10. pp. 30–33.

Dulichenko, A.D. (2017) Slavic microlinguistics and Slavic microphilology. *Rusin*. 2 (48). pp. 41–50 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/4

Eremina, V.I. (1978) *Poeticheskii stroy russkoy narodnoy liriki* [Poetic system of Russian folk lyrics]. Leningrad: Nauka.

Katunin, D.A. (2015a) The Rusinian and Ukrainian languages in the current laws of Serbia. *Rusin*. 1 (39). pp. 229–236 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/15

Katunin, D.A. (2015b) The Rusin language and languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. Article 1. *Rusin*. 4 (42). pp. 235–250 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/16

Katunin, D.A. (2016) The Rusin language and languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. Article 2. *Rusin*. 1 (43). pp. 271–284 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/17

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Kolpakova, N.P. (1962) *Russkaya narodnaya bytovaya pesnya* [Russian folk everyday song]. Moscow, Leningrad: USSR AS.

Kravtsov, N.I. & Kulagina, A.V. (1976) *Slavyanskiy fol'klor* [Slavic folklore]. Moscow: Moscow State University.

Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow: Gnozis.

Kremshokalova, M.Ch. (2012) Kul'turnye konnotatsii v fol'klornykh tekstakh kak markery natsional'nogo mirovideniya (na materiale russkikh i kavkazskikh paremiy) [Cultural connotations in folklore texts as markers of the national world view (on the basis of Russian and Caucasian paremias)]. *Cuadernos de rusistica espanola*. 8. pp. 95–101.

Lazutin, S.G. (1981) *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian folklore]. Moscow: Vysshaya shkola.

Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii" [Semantics of folk text and "knowledge of tradition"]. In: Dobrovolskaya, V.E. & Kotelnikova, N.V. (eds) *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Issue 8. Moscow: GRTsRF. pp. 22–41.

Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and language consciousness]. Moscow: Nauka.

Oynotkinova, N.R. (2011) Somaticheskii kod kul'tury v poslovitsakh i pogovorkakh altaytsev [Somatic code of culture in proverbs of Altaians]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 5–14.

Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. St. Petersburg: Nauka.

Savchenko, L.V. (2014) Funktsii somaticheskogo koda kul'tury v formirovanii frazeosistemy russkogo i ukrainskogo yazykov [Functions of the somatic code of culture in the formation of the phraseological system of the Russian and Ukrainian languages]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 2. pp. 88–92.

Bakhtina, O.N., Syrov, V.N. & Dutchak, E.E. (eds) (2009) "*Slavyanskiy mir*" Sibiri: *novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoy Azii* ["Slavic world" of Siberia: new approaches in studying the processes of development of Northern Asia]. Tomsk: Tomsk State University.

Sokolov, Yu. (2018) Liricheskie pesni [Lyrical songs]. In: Brodsky, N. et al. (eds) *Literaturnaya ehntsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vols]. Vol. 1. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm> (Accessed: 12th November 2018).

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/17

Tolstaya, S.M. (1994) K ponyatiyu funktsii v yazyke kul'tury [On the notion of function in the language of culture]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 91–97.

Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Codes of culture and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I., Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic ethnolinguistics: questions of theory]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 109–113.

Tubalova, I.V. & Wang, G. (2018a) Somatic code in East Slavic proverbs and ditties. *Rusin*. 2 (52). pp. 141–160 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/11

Tubalova, I.V. & Wang, G. (2018b) The somatic code of national culture in Russian proverbs and chastushkas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 59–68 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/8

Khrolenko, A.T. (1976) *Leksika russkoy narodnoy poezii* [Vocabulary of Russian folk poetry]. Kursk: Kursk State Pedagogical University.

Khrolenko, A.T. (1979) Semanticheskaya struktura fol'klornogo slova [Semantic structure of the folklore word]. In: Gorelov, A.A. (ed.) *Russkiy fol'klor. Voprosy teorii fol'klora* [Russian folklore. Questions of the theory of folklore]. Vol. 19. Leningrad: Nauka. pp. 147–156.

Tsiyyan, T.V. (1979) K semantike prostranstvennykh i vremennykh pokazateley v fol'klоре [On the semantics of spatial and temporal indices in folklore]. In: Sb. statey po vtorichnym modeliruyushchim sistemam [Collection of articles on secondary modeling systems.]. Tartu: Tartu University. pp. 13–17.

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesenny fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern song folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Valodzina, T.V. (2016) *Belaruskі fal'klor: Materiyaly i dasledavanni. Zbornik navukovykh prats* [Belarusian folklore: Materials and research. Collection of papers]. Issue 3. Minsk: Belaruskaya navuka.

Grushevsky, M. (1896) *Etnografichniy zbirnik* [Ethnographic Collection]. Vol. 2. Lviv: Naukove to-varistvo imeni Shevchenka.

De-Vollan, G.A. (1885) *Zapiski Imperatorskago russkago geograficheskago obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographic Society of the Department of Ethnography]. Vol. 13. St. Petersburg: Ministry of the Interior.

Ivanits'kiy, A.I. (2008) *Khrestomatiya z ukraïns'kogo muzichnogo fol'kloru* [Textbook on Ukrainian music folk (with explanations and comments)]. Vin-nitsa: NOVA KNIGA.

Kolessa, I (1901) *Etnografichniy zbirnik* [Ethnographic Collection]. Vol. 11. Lviv: Shevchenko Scientific Association.

Kercha, I. (2012a) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Koporova, K. (2017) On some issues of stress placement in standard Rusyn in Slovakia. *Rusin*. 2 (48). pp. 69–77 (in Rusin). DOI: 10.17223/18572685/48/6

Pavlenko, I.Ya. (2013) *Khrestomatiya z ukraïns'kogo narodnopolisennogo vikonavstva (z metodichnimi poiasnenniyami i komentaryami)* [Textbook on Ukrainian folk-popping performances (with methodological explanations and comments)]. Kyiv: Kiïvs'kiy universitet.

Plishkova, A. & Citriakova, Z. (2017) The Rusyn Literary Language in Concepts and Strategies of Language Congresses. *Rusin*. 2 (48). pp. 99–125 (in Rusin). DOI: 10.17223/18572685/48/8

Zykov, L.V. (ed.) (2012) *Khrestamatiya pa belaruskay narodnay muzychnay tvorchastsi* [Reader on the Belarusian folk music]. Minsk: [s.n.].

Sheyn, P.V. (1874) *Belorusskiya narodnyya pesni, s" otnosyashchimisya k" nim obryadami, obychayami i sueveriyami, s" prilozheniem" ob" yasnitel'nago slovaryia i grammaticheskikh primechanii* [Belarusian folk songs with related delights, customs and superstitions, with an explanatory dictionary and grammatical notes.]. St. Petersburg: [s.n.].

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inna V. Tubalova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Ван Хуа – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Ghya Wang – Tomsk State University (Russia).

E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru